Здоровья и долгих лет жизни, Артур Владимирович! Чашка с кофе Вас всегда ждет! Счастье, что Вы, Учитель, с нами!

Абашник В. А.

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ СТЕЛЛЕР (1709-1746) И ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (1681-1736)

В данной статье будут рассмотрены отношения между немецким естествоиспытателем Г.В. Стеллером, знаменитым исследователем Камчатки, и Феофаном Прокоповичем, известным российско-украинским богословом-реформатором, важным политическим мыслителем и деятелем Петровской эпохи. Основным тезисом статьи является положение, что именно Прокопович сыграл ключевую роль в деятельности Стеллера в его «Санкт-Петербургский период» (1734-1737), а также предопределил его дальнейший научный путь в России.

Для обоснования этого тезиса сначала представим основные черты жизненного и творческого пути Прокоповича. Как известно, наряду с другими выпускниками Киево-Могилянской академии (Гавриил Бужинский), Прокопович был одним из реформаторов Петровской эпохи и автором политических трактатов «Слово о власти и чести царской» (1718), «Духовный регламент» (1721), «Правда воли монаршей» (1722), где были обоснованы принципы петровского абсолютизма. После курса обучения в Киево-Могилянской академии Прокопович в 1698 г. перешел из православия к униатам (грекокатоликам), чтобы продолжить учебу в Риме (1698-1701). На обратном пути из Рима в Киев Прокопович посетил немецкие протестантские центры, в т.ч. Готу, Йену, Галле, Лейпциг, где познакомился с профессорами и пиетистами Х. Томазием (1655-1728), А.Г. Франке (1663-1727), Й.Ф. Будде (1667-1729) и другими.

Знакомства и научные контакты Прокоповича с этими немецкими учеными-протестантами сыграли важную роль в его дальнейшей религиозной и политической деятельности. После вызова Прокоповича в 1716 г. из Киева сначала в Москву, а затем в Санкт-Петербург, он начал играть все большую роль в осуществлении духовных, научных и государственных реформ Петра Первого. Роль Прокоповича усилилась после его дальнейших назначений - епископом Псковским и Нарвским (1718), архиепископом Новгорода и Великих Лук (1725), вице-президентом Святейшего Синода (1721). Кроме того, после смерти Президента Священного Синода Стефана Яворского (1658-1722), Прокопович стал фактически главой Российской православной церкви.

Немецкие протестантские богословы, а также немецкая наука и культура вообще имели большое значение для творчества и деятельности Прокоповича. В этом отношении он сам подчеркивал в одной из своих речей: «…Германия же, яко же глаголют, первая царица есть Европы, в ней же толь преславныя и пребогатыя суть провинции, толь прекрепкии и прекрасныи градове, толь веселыя поля и населения их, толь частыя премудрых учений Академии, толь преизрядныя художества и остроумныя художники… В Германию аще кто приходит, познавает чинное общенароднаго правительства устроение, обычаев доброту, разума и беседы сладость, познавает храбрость, науку и остроумие» [5, с. 190-191].

В Санкт-Петербурге Прокопович лично знал и поддерживал научные контакты со многими немецкими учеными-академиками (Крафт, Корф, Гольдбах, Байер, Гросс). Многие из них имели тесные отношения с протестантскими центрами Германии. Так, выпускник Кенигсбергского университета Г.З. Байер (1694-1738) продолжил свое обучение в Галле и Лейпциге, где защитил магистерскую философскую диссертацию. В 1725 г. Байер продолжил свою карьеру в Санкт-Петербурге и стал одним из первых академиков. По словам известного австро-немецкого исследователя Эдуарда Винтера (1896-1982), академик Байер, «… на которого сильнее всего произвел впечатление

Франке» [12, S.191], поддерживал тесные связи с пиетистами в Галле. Именно академики Байер и Миллер позже составили одни из первых биографических и библиографических обзоров о Прокоповиче.

Следует также отметить, что в богатой библиотеке Прокоповича, включавшей в себя свыше тридцати тысяч томов, из 741 авторов более половины были немцами (420). Их большую часть составляли философы, богословы, юристы, представители естественных наук [11, S.57]. Позже именно немецкие богословы открыто выступили на защиту Прокоповича от обвинений в «протестантской ереси». Так, йенский профессор Й.Ф. Будде [10, S.341] защищал Прокоповича в трактате «Epistola apologetica pro ecclesia Lutherana: contra calumnias et obtrectationes Stephani Javorskii Resanensis et Muromiensis metropolitae» (Ienae 1729) от нападок Стефана Яворского и ректора Московской славяно-греко-латинской академии Феофилакта Лопатинского (167?-1741), считавшего Прокоповича «протестантом» и «лютеранином».

В такой ситуации в ноябре 1734 г. из Данцига в Кронштадт, а затем в Санкт-Петербург прибыл немецкий «лютеранин», богослов и ботаник Георг Вильгельм Стеллер (1709-1746). Встреча Стеллера (Штеллера) и Прокоповича по-разному описана в исторических работах 18-го века, а также такими авторитетными исследователями, как П.С. Паллас (1741-1811), П.П. Пекарский (1827-1872), И.А. Чистович (1828-1893). По общепринятой версии Стеллер (Stöller, Steller) познакомился с Прокоповичем в будущем Ботаническом саду на Аптекарском острове, где он собирался встретить профессора ботаники Й. Аммана. Указывая на привычку Прокоповича прогуливаться в часы досуга этом саду, один из ранних биографов Стеллера подчеркивал посредническую роль немецкого садовника, «…который отвел его к жившему по соседству ученому и добропорядочному епископу Феофану, принявшему его в свой дом и порекомендовавшему Академии» [9, S.194]. Эта версия получила распространение в последующей научно-популярной и художественной литературе. Так, педагог и историк Герберт Вотте (1909-1989) в работе «В голубой дали лежала Америка» (1967) писал об этой случайной встрече: «Архиепископ говорит что-то по-русски. Стеллер отвечает на латинском языке. Сразу же следует ответ на великолепной латыни… Вскоре Стеллер пребывает уже не в качестве гостя, а как домашний врач духовных лиц и многочисленной прислуги во дворце архиепископа» [13, S.59].

В этом отношении следует также упомянуть поэтическое изображение встречи Стеллера и Прокоповича по версии современного российского поэта Андрея Бронникова, который также отмечает роль латыни в этом знакомстве:

«Я приехал сюда, когда мне не было еще тридцати.
Видел многое. Оранжерею в столице.
Библиотеки. Балы. Профессоров из местных,
И говорящих на моем языке. Впрочем, у науки
Язык ведь один – латинский» [1, с. 44].

По утверждению биографов Стеллера, после знакомства с Прокоповичем он был принят на должность домашнего врача архиепископа. Так, анонимный издатель в автобиографическом очерке «Жизнь господина Георга Вильгельма Стеллера, бывшего члена и адъюнкта Российской Императорской Академии наук» подчеркивал, что он «…всем другим предпочел место лейб-медика у знаменитого Новгородского епископа *Феофана Прокоповича*» [8, S.4]. Кстати, относительно этого анонимного автора историк Пекарский, ссылаясь на публикацию «Физико-экономической библиотеки» (Гёттинген 1775) Иоганна Бекманна, указывал: «Издатель, скрывшийся под этими буквами, был Иоган-Бенедикт Шерер, сын страсбургского профессора восточных языков. Он жил несколько лет в Петербурге, состоя консулентом при юстиц-коллегии, а потом летом 1774 года отправился чрез Швецию, Данию и Гёттинген на свою родину…» [3, с. 606].

Касательно «случайности» встречи Стеллера и Прокоповича также следует дать некоторые разъяснения. Как известно, уроженец франконского города Бад Виндсхайма

Стеллер изучал богословие, ботанику и медицину в университетах Галле, Виттенберга, Йены и Лейпцига (1729-1734), а также был помощником учителя в «Сиротском доме» Фонда Франке в Галле. В этом отношении Эдуард Винтер в своем труде «Галле как исходный пункт немецкого россиеведения в 18 столетии» (1953) отмечал: «Учитывая его тесные связи с Сиротским домом в Галле, наверняка *Стеллер* был снабжен рекомендациями в Россию младшим *Франке*. Иначе он не смог бы так быстро стать личным врачом архиепископа *Прокоповича*» [12, S.328]. Косвенно эту версию поддерживают и издатели «Писем и документов Стеллера» (1998), которые в своем «Введении» отмечают: «Штеллер решить попытать счастья в Петербурге (предположительно с рекомендательными письмами)… В Санкт-Петербурге Штеллер был принят в доме архиепископа Феофана Прокоповича (1681-1736), имевшего прочные связи с Галле» [2, с. 8].

Таким образом, встреча Стеллера и Прокоповича с большой вероятностью могла быть и неслучайной, а следствием писем-рекомендаций ученых-пиетистов из Галле или Йены, с которыми Прокопович поддерживал тесные научные связи. После этой встречи Прокопович сыграл важную роль в дальнейшей судьбе Стеллера в Санкт-Петербурге и в России, на что указывал один из первых биографов Стеллера: «У этого большого фаворита *Петра* господин *Стеллер* оставался до его смерти; который всем и каждому наилучшим образом рекомендовал и расхваливал его благодаря его редким дарованиям и образованности, так что у *Стеллера* не было недостатка в дальнейшем повышении по службе» [8, S.5]. На этот немецкоязычный источник ссылались последующие немецкие исследователи. Например, в 19-м веке историк и священник Х.В. Ширмер в главе «Краткие жизнеописания некоторых знаменитых ученых Виндсхайма» своей исторической работы замечал, что по приезду в Санкт-Петербург Стеллер «…стал личным врачом Новгородского епископа Феофана Прокоповича, с которым он оставался до его кончины» [7, S.265].

Когда Стеллер прибыл в ноябре 1734 г. в Санкт-Петербург, то там уже пребывали западноевропейские ученые, в т.ч. и немецкие, многие из которых занимали важные должности в Академии наук. Одним из первых немецких ученых, с которыми Стеллер установил контакт, был Йоганн Амман (1707-1741) из немецкого Шаффгаузена, выпускник Лейденского университета (1730). С февраля 1733 г. Амманн был академиком по кафедре ботаники, а в 1736 г. при поддержке Стеллера основал Ботанический сад на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. Стеллер также помогал Амману каталогизировать академический гербарий, на что указывал известный историк Пекарский: «Herbarium ammanianum описан Стеллером и помещен во второй части I–го тома издания Musei imperialis petropolitani (Спб., 1745) стр. 191-624» [3, с.496-497]. Кстати, это была первая публикации Стеллера в Санкт-Петербурге, которая была его единственной прижизненной публикацией в России.

В Санкт-Петербурге Стеллер также знакомится с немецким естествоиспытателем Даниэлем Готтлибом Мессершмидтом (1685-1735), который в 1720-1726 гг. совершил путешествие по Сибири - до реки Лена на Востоке и до китайской границы на юге. Записи и журналы с результатами своих наблюдений и исследований Мессершмидт предоставил в распоряжение Стеллера, который во время их изучения загорелся идеей принять участие в «Великой Северной экспедиции» или «Второй Камчатской экспедиции» (1733-1743). После смерти Мессершмидта, Стеллер женился на его вдове – Бригитте Хелене (урожденной фон Бёклер). В этом отношении историк Пекарский отмечал: «Женщина эта, живая и необузданного характера, была совершенным контрастом с своим меланхолическим и преданным науке мужем; по смерти Мессершмидта, она вышла за муж за адъюнкта академии Штеллера» [4, с.361]. В сопровождении своей супруги и художника Й.К. Деккера 24 декабря 1737 г. Стеллер направился из Санкт-Петербурга в Сибирь. По пути он заехал в Великий Новгород, где посетил могилу своего наставника Прокоповича, умершего 8 (19) сентября 1736 года.

До этого, 7 февраля 1737 г. Стеллер был назначен адъюнктом натуральной истории Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. Это назначение предусматривало его участие в исследованиях под руководством естествоиспытателя Й.Г. Гмелина (1709-1755) и историка Г.Ф. Миллера (1705-1783), которые с 1733 г. находились в Сибири. Решающую роль в указанном назначении сыграл Прокопович, который в 1736 г. обратился с рекомендательным письмом к президенту Императорской Академии наук барону Й.А. Корфу (1697-1766): «Феофан рекомендовал к тому своего доктора Стеллера, основательно образованного в медицине и естественных науках, которые он изучал в университетах лейпцигском, галльском и йенском. Академия, исполняя желание архиепископа, послала Стеллера в сибирскую экспедицию с званием адъюнкта» [6, с.623].

Здесь следует также упомянуть эпизод, который наглядно демонстрирует отношение Прокоповича к Стеллеру. В библиотеке Новгородской семинарии хранилось следующее латинское стихотворение Феофана Прокоповича под названием «In moram Stelleri medici» (1736):

«Между тем, как добрый Стеллер приискивает больному лекарства,
Печальный больной тихо умирает. Совершается и погребение,
И у друзей уже осыхают слёзы; законным порядком делится скопленное имущество.
Весь народ осуждает запоздавшего Стеллера, страстно -
а почему не знаю – вступаясь за здоровье. Наконец, приходит и врач, сердясь, что
лютая смерть предупредила его возвращение» [6, с.623].

Эти иронические строки указываю на то, что Стеллер много времени уделял своим ботаническим исследованиям в окрестностях Санкт-Петербурга. Как раз во время одной из таких пригородных поездок умер один из его пациентов, что и отражено в стихотворении. С философской и богословской точки зрения Прокопович иллюстрирует дилемму между исследовательским увлечением и реальной жизнью. Кроме того, эти строки могли быть назиданием для Стеллера, чтобы он больше уделял внимания не столько природе, а человеку – как мерилу всех вещей.

В завершение выскажем некоторые мысли относительно мотивов того, почему Прокопович рекомендовал Стеллера Академии наук для усиления «Второй Камчатской экспедиции». Другими словами: «Что» и «Кто» решительным образом повлиял на дальнейший творческий и жизненный путь Стеллера в Санкт-Петербурге и в России? С одной стороны, в духе тогдашней Лейбнице-Вольфовской философии можно, конечно, говорить о «предустановленной гармонии» или «судьбе» Стеллера. Однако, с другой стороны, во время «Санкт-Петербургского периода» Стеллера можно увидеть несколько случайностей, например: 1) его случайная встреча с Прокоповичем, 2) случайность его знакомства с сибирскими рукописями Мессершмидта, 3) случайность того, что академик-физик Г.В. Крафт (1701-1754) в письме за июль 1736 г. обратил внимание руководителя канцелярии Академии наук Й.Д. Шумахера на рапорт Стеллера и рекомендацию Прокоповича и т.д.

Несмотря на все эти и другие «случайности», относительно первой части вопроса - «Кто?» - можно констатировать, что именно Феофан Прокопович сыграл ключевую роль в «российской судьбе» Г.В. Стеллера. Так, авторитетный историк Чистович писал: «Академия, исполняя желание архиепископа, послала Стеллера в сибирскую экспедицию с званием адъюнкта» [6, с.623]. Кроме того, он подчеркивал: «Не смотря на преждевременную кончину свою этот ученый блистательно оправдал рекомендацию о нем Феофана» [6, с.624]. Другой известный историк Пекарский приводил в пример избрание Стеллера в Санкт-Петербургскую академию за ученые заслуги на фоне избрания академиками «…лиц, которые были в состоянии писать бойко немецкие стихи на иллюминации и фейерверки…» [3, с.LXI]. В этом отношении Пекарский писал: «Как исключение из этого должно указать на двух ученых, вступивших в позднейшее время и с честью носивших звание академиков – это Стеллер и Рихман: один был рекомендован Феофаном Прокоповичем, другой – графом Остерманом» [3, с.LXI].

О правильности выбора Прокоповича и Академии наук говорило и то, что Стеллер позже не только занимался научными исследованиями на Камчатке и в Сибири, но и заботился об обучении детей местного населения. В этом отношении Пекарский отмечал, что Стеллер во время своих научных передвижений по Камчатке и Курильских островах распорядился в «…Большерецке обучать казачьих и иноземческих новокрещенных детей русской грамоте» [3, с.598]. Кроме того, Стеллер заботился не только о науке, но и о государственных и духовных делах, что отмечал его коллега Гмелин: «Стеллер послал из Камчатки в правительствующий сенат проект о лучшем способе управления Камчаткою и о местах, в каких необходимо еще построить остроги, а в синод им послано о легчайшем способе обратить камчадалов в христианскую веру…» [3, с.595].

Относительно второй части вопроса – «Что повлияло на дальнейший жизненный и творческий путь Стеллера в России?» - помимо ключевой роли Феофана Прокоповича в его «российской судьбе», все же надо подчеркнуть, что именно благодаря своему богословскому, естественнонаучному и медицинскому образованию, полученному в Бад Виндсхайме, Галле, Йене, Лейпциге, Виттенберге и Берлине, Г.В. Стеллер стал известным ученым и естествоиспытателем в российской и мировой науке.

1. *Бронников А.* Исчезающий вид / Species Evanescens. - Charleston: Reflections, 2011. – VIII, 60, LXII с.
2. *Георг* Вильгельм Штеллер. Письма и документы 1740 / Редакционная коллегия тома Виланд Хинтцше, Томас Николь, Ольга В. Новохатко. М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 429 с.
3. *Пекарский П.* История Императорской академии наук в Петербурге. – Санктпетербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. – Т. 1. – LXVIII, 774 с.
4. *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. – Санктпетербург: Общественная польза, 1862. - Т. 1. - IV, VI, 578 с.
5. *Прокопович Ф.* Речь, которою Его Царское Величество Петр Первый по возвращении своем из чужих краев в Санктпетербург именем всего Российскаго народа поздравлен / Октября 21 дня 1717 года // Феофана Прокоповича Архиепископа Великаго Новаграда и Великих Лук, Святейшаго Правительствующаго Синода Вицепрезидента, а потом первенствующаго Члена, Слова и Речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и некоторыя вторым тиснением, а другия вновь напечатанныя. - Санктпетербург: При Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе, 1760. – С. 175-196.
6. *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время / Издание императорской Академии наук. – Санктпетербург: В Типографии Имп. АН, 1868. – X, 752 с.
7. *Schirmer Ch.W.* Geschichte Windsheims und seiner Nachbarorte. – Nürnberg: Riegel und Wiessner, 1848. – X, 310 S.
8. *Georg* Wilhelm Stellers gewesenen Adjuncto und Mitglieds der Kayserl. Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von J.B.S. mit vielen Kupfern. - Frankfurt und Leipzig: Johann Georg Fleischer, 1774. – IV, 384, 71 S.
9. *Georg* Wilhelm Stellers, gewesenen Adjuncts und Mitglieds der Kayserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Namen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von I.B.S. Mit vielen Kupfern. Frankf. und Leipzig 1774 // Physikalisch-ökonomische Bibliothek. - Göttingen: Vandenhoeck, 1775. – Bd. 6. - S. 191-202
10. *Stupperich R.* Feofan Prokopovič und Johann Franz Buddeus. Ein Beitrag zur Geschichte der geistigen Beziehungen zwischen Rußland und Deutschland im Beginn des 18. Jahrhunderts // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. Neue Folge 5 (1935). - S. 341-362.
11. *Tetzner J.* Bücher Jenaer Professoren in der Bibliothek des petrinischen Reformers Theophan Prokopovič (1681-1736) // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena 7 (1958). – S. 57-61.

12. *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. – Berlin: Akademie-Verlag, 1953. – VII, 502 S.
13. *Wotte H.* In blauer Ferne lag Amerika. Reisen und Abenteuer des deutschen Naturforschers Georg Wilhelm Steller. - Leipzig: VEB F.A. Brockhaus Verlag, 1967. – 324 S.

Адам Я.В.

ВКЛАД НЕМЦЕВ-ГОРЬКОВЧАН В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В «Книге Памяти» не указан ни один горьковчанин немецкой национальности, погибший в боях прошедшей войны. Между тем они были.

В архиве Горьковского музея сохранились выписки из архива Горьковского райвоенкомата: во-первых, выписки из призывных списков периода 1939-1945 гг., где можно найти списки призванных в армию немцев до сентября 1941 г.(здесь же можно найти всех тех, кто призывался в Трудармию с января 1942 г. по 1944 г.); во-вторых, выписки из учетных карточек, вставших на воинский учет. В этих карточках (они заполнялись в 1950-е гг.) указана служба в армии до Трудармий. К сожалению, в опубликованных материалах изданий «Книга Памяти» и «Солдаты Победы» почти не упоминаются немцы, воевавшие на начальном этапе войны и погибшие. В тот период в сражениях принимали участие многие воины-немцы, среди них и горьковчане. Составлен список горьковчан, которые были призваны в армию, как Горьковским РВК, так и РВК тех мест, где жили до войны. Более точных данных нет. В 1939-начале 1941 гг. райвоенкоматами призваны 25 немцев, достигших призывного возраста, на службу в РККА. В их числе 21 горьковчанин. Среди них:

1. Брем Отто Иванович, 1921 г.р., уроженец с. Луганское Павлодарской области, призван в октябре 1940 г. Сталинским РВК Кемеровской области, служил в составе 231 с.п. 40 с.д. пулеметчиком с 10. 1940г. по 05.1942 г., 05.1942 г. передан в промышленность;

2. Бэм Эдуард Иванович, 1916 г.р., уроженец д. Чучкино, призван 13.02.1940 г. Горьковским РВК, служил минометчиком в составе 166 с.п. с 02.1940 г. по 08.1942 г., 13.08.1942 г. переведен в промышленность;

3. Диль Михаил Иванович, 1921 г.р., призван 29.06.1941 г., воевал с 29.06.1941 г. по 07.1941 г. на Киевском направлении;

4. Клостер Адам Николаевич, 1921 г.р., уроженец д. Семеновка Добринского район Волгоградской области, призван 03.05.1941 г. Саратовским РВК, служил рядовым с 05.1941 г. по 08.1941 г., воевал в период с 06 по 08.1941 г., 08.1941 г. легко ранен, 08.1941 г. зачислен в рабочий батальон;

5. Ортман Филипп Егорович, 1916 г.р., уроженец д. Семеновка Добринского района Волгоградской области, призван 02.05.1941 г. Добринским РВК, служил рядовым в составе 152 с.п. в г. Ворошиловске с 05.1941 г. по 01.1942 г., демобилизован 01.1942 г.;

6. Пфаншитель Иван Филиппович, 1909 г.р., уроженец д. Майоровка, призван 25.08.1941 г. Горьковским РВК, служил ездовым в составе 119 с.п. с 08.1941 г. по 01.1942 г., 15.01.1942 г. переведен в промышленность на работы;

7. Сакс Иосиф Иванович, 1918 г.р., уроженец д. Семеновка Добринского района Волгоградской области, призван 15.10.1940 г. Добринским РВК, служил орудийным номером 76 мм пушек в составе 119 артполка с 10.1940 г. по 02.1942 г., в период с 07.1941 г. по 12.1941 г. воевал, 02.1942 г. переведен в промышленность;

8. Толклит Ренгольд Вильямович, 1921 г.р., уроженец д. Адамовка Тарского района Омской области, призван 13.05.1941 г. Горьковским РВК, с августа 1941 г. служил в запасном строительном батальоне в г. Челябинске;

9. Шрейбер Адам Кондратьевич, 1919 г.р., уроженец д. Чучкино, призван 18.09.1939 г. Горьковским РВК, служил рядовым с 09.1939 г. по 09.1941 г., 09.1941 г. переведен в промышленность;

10. Шперлинг Леонтий Филиппович, 1921 г.р., уроженец д. Чучкино, призван 30.04.1941 г. Горьковским РВК в команду 155 – в.ч. 9952, военная школа, служил писарем штаба в 186 сп., воевал с 29.06.1941 г. по 30.09.1941 г. на Западном фронте, тяжело ранен, в госпитале на излечении находился до 19.01.1942 г., демобилизован из-за тяжелого ранения и 27.01.1942 г. прибыл в д. Чучкино;
11. Эйхвальд Валентин Яковлевич, 1919 г.р., уроженец д. Чучкино, призван 11.02.1940 г. Горьковским РВК, служил телефонистом в составе 91 с.д. с 02.1940 г. по 09.1941 г., воевал с 06.1941 г. по 09.1941 г., 09.1941 г. переведен в промышленность.

В архиве Горьковского райвоенкомата в списках участников войны, награжденных юбилейными медалями, упоминаются: Диль Иван Иванович, рядовой, 1-й год службы; Клестер Адам Николаевич, рядовой, 1-й год службы; Курт Филипп Иванович, рядовой; Сакс Иосиф Иванович, рядовой; Шперлинг Леонид Филиппович, рядовой; Эйхвальд Валентин Яковлевич, рядовой, 1-й год службы [1]. А в списках за 1960-е гг. упоминаются: Гут Василий Васильевич, 1920 г.р., сержант, воевал на Северо-Западном фронте в период с 22.06.1941 по 22.07.1941 г.; Диль Иван Иванович, 1921 г.р., рядовой, воевал на Киевском направление с 29.06.1941 г. по 07.1941 г. Там же есть Гофман Аркадий, Шперлинг Леонид Филиппович [2].

В фондах Горьковского музея имеется удостоверение, выданное проверочно-фильтрационным пунктом НКВД СССР при проверочно-фильтрационном лагере № 218 Гофману Аркадию Бронеславовичу, в том, что по прибытию из Западной Германии от союзников с 1 октября по 20 октября 1945 г. содержался в данном лагере. Здесь же отмечено, что Аркадий Бронеславович 1922 г.р., родился в Иркутской области Нижнеудинского района и что направлялся к избранному месту жительства – Омская область [3].

По материалам, хранящимся в Чучкинской школе упоминаются: пропали без вести Вольф Яков Иванович и Герр Леонтий Иванович. Бобинова (Герр) Полина Валентиновна (д. Чучкино) в воспоминаниях говорит, что в армию взяты два брата отца Герр Леонтий Филипович (вернулся раненым) и Герр Леонид Иванович (служил в танковых войсках, погиб). На обелиске, установленном в д. Осиповка, нанесены следующие фамилии сельчан, погибших в годы войны (приводится, как написано на обелиске): Вольф Я., Шафрик И.Р., Шмитке К. и Эрке Р.И. В книге «Солдаты Победы» упоминается Рупп Иван Каспарович, 1915 г.р., проживал д. Крупянка, рядовой, пропал без вести в декабре 1941 г. [4, Т. 8, 44]; Гольдшмит Арвид Рудольфович, 1917 г.р., проживал д. Горский Лог Горьковского района, рядовой, погиб 24.02.1943 г., похоронен в д. Стариково Старорусского района Новгородской области [4, Т. 8, 332]. Материал в этот том передан из Горьковского музея, работа Е. Григорьева «Живая память» (дополнение к «Книге Памяти»). В книге «Солдаты Победы» в списке вернувшихся с фронта упоминаются: Герман Серафим Порфирьевич, 1900 г.р., рядовой 322 артполка, ранен [4, Т. 3, 27]; Диль Михаил Иванович (1921-1989), рядовой, ранен [4, Т. 3, 28]; Клостер Адам Николаевич (1921-1979), рядовой, ранен [4, Т. 3, 35]; Эйхвальд Валентин Яковлевич (1918-1998), рядовой 613 сп 91 сд [4, Т. 3, 71].

В конце 1980-х гг. начался сбор материалов для подготовки списков погибших в годы войны для будущего мемориала в р.п. Горьковское. Шиманский Е.А. – председатель Лежанского сельсовета отмечает, что из Осиповки погибли Вольф Яков, Шафрик Иван Рудольфович, Шафрик Иван Августович, Эрке Рудольф Иванович и Шмитке Карл Генрихович, но почему-то в «Книгу Памяти» они не попали [5]. В архиве музея в материалах по подготовке «Книги Памяти» в разделе «Стройбат-Трудармия» обнаружен список из 7 чел.: Шафрик Иван Рудольфович, 1917 г.р., уроженец д. Лукинка, рядовой, пропал без вести в декабре 1941г.; Шаврик Иван Августович, 1917 г.р., уроженец д. Лукинка, рядовой, пропал без вести в августе 1941 г.; Вольф Яков Людвигович, 1917 г.р., уроженец д. Чучкино, погиб; Герр Леонид Иванович, 1920 г.р., уроженец д. Чучкино, рядовой, пропал без вести в декабре 1941 г.; Шмид Роман, 1921 г.р.,

д. Липатовка, погиб; Рупп Иван Каспарович, 1915 г.р., д. Крупянка, рядовой, пропал без вести в августе 1941 г.; Эрке Рудольф Иванович. Остается загадкой, почему же они не попали в «Книгу Памяти» [6].

1. *Архив* Горьковского историко-краеведческого музея, далее – АГИМК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6 (папка Великая Отечественная война).
2. *Горьковский* историко-краеведческий музей. Основной фонд ГКМ 1109/$_{1}$.
3. *АГИКМ*. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1(материалы историко-этнографической экспедиции в д. Чучкино и Осиповка) (31.07- 02.08.2002г.).
4. *Солдаты* Победы.
5. *АГИКМ*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8 (папка Великая Отечественная война).
6. *АГИКМ*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 9 (картотека к «Книге Памяти»).

Адам Я.В.

ДЕПОРТАЦИЯ. ТРУДАРМИЯ

По-прежнему малоизвестная страница истории – депортация. По данным Вибе П.П., в Горьковский район переселено из Добринского района - Автономной республики немцев Поволжья - 205 семей в количестве 793 чел., тогда как было переселено 1 200 чел.

Депортация оказалась самым массовым и трагичным событием для немцев. Всех, включая младенцев и стариков, объявили «социально опасными», заподозрили в «диверсантской и шпионской» деятельности. Прибыв на новое место жительства, переселенцы попали в очень тяжелое положение: на носу сибирская зима, а у них нет жилья и даже теплых вещей. Большую помощь оказали жители тех деревень, куда они попали на поселение. Первую зиму жили на квартирах, а затем стали строить свое жилье – землянки или избушки-пластянки. Продуктами им помогали местные колхозники, которые сами еле-еле сводили концы с концами. А затем депортированные стали обзаводится огородами, скотом и стало немного легче. На территории Горьковского района переселенцев разместили небольшими группами почти во всех населенных пунктах, но большую часть их разместили рядом с р. Иртыш.

8 сентября 1941 г., по директиве Ставки Верховного Главнокомандования из Красной армии, началось «изъятие» немцев. Их направляли в так называемые рабочие батальоны [1]. 10 января 1942 г. вышло постановление «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», 14 февраля 1942 г. – «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках», 7 октября 1942 г. – «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР».

Слово «трудармеец» передается в немецких семьях из поколения в поколение. Оно является синонимом физических страданий, преждевременных смертей, разрушенных семей и родственных связей. Погибшими на фронте можно было гордиться, а трудармейцев оплакивали только близкие. Даже соседи (не немцы) отождествляли их с «образом врага»: они – «фашисты». Моральное унижение являлось одним из самых жестоких наказаний. Из Горьковского района мобилизовано 337 мужчин, как депортированных, так и местных. С января по декабрь 1943 г. мобилизовано 242 женщины и 27 мужчин, а в 1944 г. мобилизован 1 мужчина. Всего Горьковским РВК призвано 628 чел., в том числе, до сентября 1941 г. – 21 чел. Сестры, матери и дочери иногда оказывались рядом. А вокруг колючая проволока, военная охрана, вышки, собаки… И еще непосильный труд на строительстве железных дорог, промышленных предприятий, на лесозаготовках, шахтах, отсутствие теплой одежды и обуви, неизвестность о детях и престарелых родителях. Истощенных больных людей демобилизовали, но многие из них не доезжали до дома или умирали вскоре по прибытию домой. И в этих условиях трудармейцы перевыполняли производственные планы, собирали деньги на технику для фронта и ждали победы. Но с Победой им объявлено о